

А.А. Аксёнова, К.В. Синегубова

© Аксёнова А.А., Синегубова К.В., 2022

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПРОРОКА
И ПРОРОЧЕСКОГО СЛОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
К.Д. БАЛЬМОНТА И В.Я. БРЮСОВА В СОПОСТАВЛЕНИИ
СО СТИХОТВОРЕНИЕМ «ПРОРОК» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение образа пророка и пророческого слова в произведениях поэтов Серебряного века в сопоставлении с предшествующей традицией, представленной в тексте М.Ю. Лермонтова. Отмеченная исследователями трансформация поэта-пророка, которая происходит в лирике Серебряного века, в нашей статье уточняется благодаря рассмотрению смены функций пророческого слова. Выяснено, что при многочисленных мотивных и смысловых переключках пророческое слово в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова указывает другое направление. В «Пророке» М. Лермонтова драматический конфликт между миром и правдой принципиально неразрешим, пророк Моисей в произведении В. Брюсова формально реализует свое предназначение, но теряет смысл жизни, в произведениях К. Бальмонта пророк обличает серую и скучную жизнь людей, выдвигая в противовес ей идеалы игры, творчества, противопоставляет рациональное и экстатическое.

Ключевые слова: пророк; слово; Лермонтов; Бальмонт, Брюсов.

Получено: 05.09.2021

Принято к печати: 11.10.2021

Информация об авторах: Аксёнова Анастасия Александровна, магистр философии, ассистент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

Синегубова Капиталина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

E-mail: sinegubova@nextmail.ru

Для цитирования: Аксёнова А.А., Синегубова К.В. Трансформация образа пророка и пророческого слова в произведениях К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова в сопоставлении со стихотворением «Пророк» М.Ю. Лермонтова // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 140–154.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.08

Anastasia A. Aksenova, Kapitalina V. Sinegubova

© Aksenova A.A., Sinegubova K.V., 2022

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE PROPHET
AND THE PROPHETIC WORD IN THE WORKS OF
K.D. BAL'MONT AND V.Ya. BRYUSOV IN COMPARISON
WITH THE POEM "THE PROPHET" BY M.Yu. LERMONTOV**

Abstract. The purpose of the article is to consider the image of the prophet and the prophetic word in the works of the poets of the Silver Age in comparison with the previous tradition presented in the text of M.Yu. Lermontov. The transformation of the poet-prophet noted by researchers, which occurs in the lyrics of the Silver Age, is clarified in our article by considering the change of functions of the prophetic word. In conclusion, it is found out that with numerous motivational and semantic calls, the prophetic word in the lyrics of K. Bal'mont and V. Bryusov indicates a different direction. In the "Prophet" M. Lermontov's dramatic conflict between the world and the truth is fundamentally insoluble, the prophet Moses in the work of V. Bryusov formally realizes his purpose, but loses the meaning of life, in the works of K. Bal'mont, the prophet denounces the gray and boring life of people, putting forward the ideals of play, creativity in contrast to it, opposes the rational and ecstatic.

Keywords: The Prophet; word; Lermontov; Bal'mont; Bryusov.

Received: 05.09.2021

Accepted: 11.10.2021

Information about the authors: Anastasia A. Aksenova, Master of Philosophy, Assistant of the Department of Russian Language and Literature of Kemerovo State University, Krasnaya Street, 6, 650000, Kemerovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

Kapitalina V. Sinegubova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century of Kemerovo State University, Krasnaya Street, 6, 650000, Kemerovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

E-mail: sinegubova@nextmail.ru

For citation: Aksenova, A.A., Sinegubova, K.V. "Transformation of the image of the prophet and the prophetic word in the works of K.D. Bal'mont and V.Ya. Bryusov in comparison with the poem 'The Prophet' by M.Yu. Lermontov". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 140–154.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.08

Целью настоящего исследования является осмысление того, как традиции романтизма трансформируются в модернистском дискурсе. Для этого рассмотрим, как реализуется актуальная для романтической традиции тема пророческого слова в стихотворениях старших символистов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова.

При сопоставлении стихотворений «В домах», «К людям» К.Д. Бальмонта и «Моисей» В.Я. Брюсова можно увидеть, что они перекликаются со стихотворением «Пророк» М.Ю. Лермонтова на уровне отдельных образов и мотивов и общей лирической ситуации пророчества. Одним из исходных вопросов статьи становится сопоставление: в произведении М. Лермонтова и В. Брюсова сам текст пророчества отсутствует, тогда как в текстах К. Бальмонта пророк высказывается, обращается к людям.

Со времен Античности в поэтике доминировали две теории о сущности поэзии, предопределившие дальнейшую эволюцию поэтики. Согласно первой теории, поэзия есть результат божественного вдохновения, согласно второй – продукт человеческого умения и знания. Исторически они восходят к Платону и Аристотелю [2, с. 36]. Образ пророка считается одним из наиболее устойчивых поэтических образов. Оппозиция «я» и «все» относится к романтической традиции.

В настоящее время рассмотрена не только реализация этой темы в конкретных произведениях в исследованиях И.А. Киселевой, Н.П. Медведева, Т.А. Нестеровой [8, с. 64], но и прослеживаются две основные тенденции просветительского осмысления пророческой темы: языческий вариант «поэт-пророк – служитель Муз» и христианский «поэт-пророк, вдохновленный Святым Духом» [6, с. 209], который исполняет миссию обличения. По-

рочная и глухая к словам пророка толпа опирается на библейскую традицию: «Представленный Лермонтовым мотив неприятия слова Божьего звучит в библейских текстах довольно настойчиво: в Книге пророка Иеремии, в Книге пророка Исаии, евангельском рассказе об Иоанне Крестителе» [4, с. 121]. С. Д. Титаренко отмечает влияние Лермонтова на старших символистов, включая при этом запредельность и «пророческий дар» в общий для эпохи «дьяволический дискурс» [10, с. 111]. О.А. Бердникова прослеживает трансформацию традиционных парадигм художественного творчества «поэт-пророк» и «поэт – служитель Муз» на примере Белого, Блока, Гумилева [1, с. 39]. В этом рассмотрении исследователь акцентирует внимание на «технике» получения сакрального знания.

Для нас важно прояснить, как меняется образ пророка и его взаимоотношения с народом. Какие актуальные в произведении М.Ю. Лермонтова аспекты данного образа сохранились в модернистском дискурсе, а какие подвергаются трансформации.

Можно констатировать, что до встречи со всевышним лирический герой не видит злости и порока в очах ближних. Всеведение предполагает открытие *всех* аспектов познания. Но герой видит только страницы злости и порока. Почему злоба и порок разворачиваются как *страницы*? Душа – книга, а пророк – это ее читатель. Образ «душа-книга» указывает на запечатленность поступков, мыслей-переживаний. Каждая мысль и поступок буквально записаны в душах, но читать в душе-книге может не каждый обычный человек, а только посвященный – пророк. Видеть кого-то насквозь – это означает умение различать не только то, что человек показывает (каким хочет казаться), но и все то, что стремится скрывать. Всеведение – это знание абсолютной истины, но у других людей истина всегда относительна.

Здесь действительно важную роль играет тема *зрения* героя, поскольку именно любовь к людям, которая была возможна до обретения всеведения, в данном контексте трактуется как наивная и слепая, она предшествует прозрению. Прозревая, герой утрачивает всякое сострадание к ним. Ближние – это не те, кто близок по духу, а в том смысле, что они тоже люди. Такие «ближние» люди духовно далеки от смысла его учений. Обретённый пророком дар всеведения резко разделяет его от остальных людей и накладывает

дывает обязательства – провозгласить истину. Исследователи отмечают, что в этом произведении актуальны «темы одиночества поэта-пророка, одиночества, вызванного обладанием им сверхзнанием, обусловленным гениальностью, даруемой поэту вместе с пророческим даром» [7, с. 129]. Истина, которая открыта ему, не имеет ничего обнадеживающего и приятного, она горькая, поэтому не нужна людям. Противостояние людям и конфликт с ними – это тоже ветхозаветная традиция: «дом Израилев не захочет слушать тебя; ибо они не хотят слушать Меня, потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем» [5, Ис. 48, 4].

Нужно заметить, что нигде не сказано, что лирический герой как-то стремился к обретению всеведения или просил об этом. Оно было дано Всевышним, а желание или нежелание лирического героя принять этот дар – не учитывалось: «...человек не рождается поэтом, а превращается в него Божьим повелением, божественным глаголом» [9, с. 13]. Вместе с тем жест посыпания главы пеплом – это жест самоуничтожения, раскаяния, самоизгнания. Этим жестом герой отрекается от прежних действий и попыток кому-то что-то доказать и открыть. Происходит отказ от реализации своего дара. Если бы этот момент отсутствовал в произведении, то это бы означало, что пророка просто изгнали. Наличие этого жеста указывает на то, что он *сам* берет на себя роль изгнанника, готов принять эту роль, отрекается от действий.

Уход пророка в пустыню обусловлен угрозой для жизни: его способность читать в душах и обличать порок вызывает отторжение и создает угрозу для жизни. До обретения всеведения он был одним из прочих, был таким, как и его ближние. Именно поэтому реакция окружающих людей связана с недовольством. Возникает непонимание: в какой момент этот человек стал выше и лучше остальных? Кто наделил его правом что-то провозглашать? Возникает недоверие к тому, что кого-то из простых смертных коснулся сам бог и что-то открыл, ведь еще недавно (до обретения всеведения) он был одним из них.

Именно выражение «не ужился» показывает нам, что люди соседствуют в этом мире на основании если не любви, то на основании взаимной договоренности, прощают друг другу пороки, осознавая, что и сами не без греха. Мирнолюбиво относятся к тем, кто не превозносится. Можно вспомнить евангельские слова: «Кто

из вас без греха – первый бросьте в нее камень». Побивание камнями – это вид казни. В Евангелии казнь отменяется, когда каждый заглянул в собственную душу.

Сама суть пророческой миссии состоит в том, чтобы говорить с народом, но в него бросают камни, он вынужден замолчать и уйти в пустыню. Перед нами возникает изгнанный пророк, а значит, он лишен возможности нести свое пророчество кому бы то ни было, лишен возможности реализовать свою пророческую миссию. Если его слова, которые он произносит, обращаясь к звездам, не воспринимает никто из людей, если эти слова ничего не меняют ни в чьей жизни, то сам статус пророка обесценивается. Трагическая ситуация состоит в том, что в пустыне он находится в безопасности, но само его существование становится напрасным. Сами слова, которые срываются с его уст в присутствии других, подвергают его жизнь опасности.

Необходимо обратить внимание на то, что в произведении М.Ю. Лермонтова само пророческое слово отсутствует, дана лишь его общая характеристика: «любви и правды чистые ученья». На фоне этого речь старцев, обращенная к детям, приводится дословно. Важно отметить, что здесь сталкиваются два вида поучений: поучение пророка и поучение старцев.

Осуществляется такое поучение исходя из принципиально разных позиций. Такое столкновение и порождает трагический конфликт. Здесь сталкиваются противоположные формулы смысла жизни: 1) угрюм, худ, бледен, наг, беден, презирают все его; 2) весел, толст, румян, наряжен, богат, уважаем другими. И.А. Киселева обращает внимание на невозможность для пророка ведения того образа жизни, что и холеная толпа мудрецов. Для старцев сам нищий внешний вид пророка является наглядным доказательством его лжи и оставленности богом. В то время как «вопрос о соответствии поэта-пророка своему призванию, которое состоит не только в проповеди, но и в простой жизни» [4, с. 114]. Необходимо отметить жесткое противопоставление слова пророка и слова старцев.

В произведении «Пророк» М.Ю. Лермонтова последнее слово остается за старцами. Важно, что они высказывают позицию недоверия: «хотел уверить нас». Они верят в существование Всевышнего, но сама божественная логика в их понимании совершенно

иная. Она состоит в том, что благополучно живущие люди – это и есть те, кого Бог благословил. Указывая на облик пророка детям, они демонстрируют, что так жить нельзя: наг, худ, бледен, беден и т.д. Его истина не обретает поддержки, поскольку оторвана от реальной окружающей их жизни. Любовь и правда не случайно никак не конкретизируются в тексте, поскольку то, о чем говорит пророк, для людей слишком абстрактно, носит отвлеченный характер. Трагизм ситуации состоит в разорванности между идеалом любви и правды и реальностью жизни, в которой живут все остальные люди. То, что он проповедует, оказывается несовместимо с жизнью. Герой становится изгоем не только потому, что его изгоняют люди, но и потому, что сама жизнь его изгоняет за свои пределы.

В природе лирическому герою покорна всякая тварь, а люди – нет. Но тварь покорна не потому, что пророк силой ее покорил, а потому, что его устами говорит сам предвечный, на его устах благословение их творца. Между звездами и тем, что он говорит, отсутствует конфликт, который был на грешной земле. То есть можно констатировать гармонию лирического героя с миропорядком, но таким миропорядком, в котором исключается *другой живой человек*. Как только появляется другой человек – начинается конфликт. Всеведение открывает, что доброта и чистота исключены в том мире, в котором находится этот герой. Любовь и правда вытеснены из мира, в котором живет и действует герой произведения. Поэтому его чистые учения просто не актуальны для остальных людей, которые привыкли жить именно земными, грешными, суетными заботами. Определение «горд был, не ужился с нами» свидетельствует о бескомпромиссной позиции героя, что и создает в конечном счете неразрешимый трагический конфликт. Когда герой провозглашает свои учения, мы понимаем, что он взял их у Всевышнего, а не из того мира, который его окружает (на это указывает и первая строфа и весь остальной текст). Герой Бальмонта как раз наоборот – обретает свое учение из созерцания возвышенных гор, т.е. из окружающей природы.

Шумный град можно воспринять как нечто фактическое – многолюдный город, в котором сталкиваются очень разные люди, смешиваются слова на разных наречиях, царит деловая суета. Но перед нами не просто изображение какого-то города, а всего

человеческого мира как ничтожного муравейника. Шум указывает еще и на хаотичность звуков, отсутствие упорядоченности, бессмысленность. Разрозненность и разношерстность шумного града противостоят единству миропорядка, в котором и звезды, и земная тварь пребывают в гармонии с пророчеством героя.

Возникает печальная картина ненужной истины. Человек ищет счастья, а не истины. Здесь истина и счастье жестко противопоставлены, истина оказывается горькой, нестерпимой. Истина указывает на то, что на фоне любви и правды их собственная жизнь и душа исполнены лжи и ненависти. Речь идет не о конкретном городке и какой-то общине, а о том, что всякая истина горька для обычного человека, с ней трудно смириться. Лживые слова старцев – звучат и определяют мировосприятие будущих поколений (поучают детей). Звучащее, доступное слово, которое произносят признанные авторитеты (старцы) – искажено их восприятием, оценивающим пророка по внешнему виду. Возникает трагический пафос, а не нравоучительный. Сам мир не состоит только из любви и правды, поэтому перед нами не трагедия единичного героя-пророка, а всего миропорядка.

В произведении В. Брюсова «Моисей» заглавие текста сразу отсылает нас к ветхозаветному событию обретения Моисеем священного слова, которое описано в Книге Исхода. Прямая отсылка к конкретному ветхозаветному пророку позволяет при интерпретации текста обращаться к библейскому первоисточнику. Но также несомненно, что стихотворение существует в историко-литературном контексте и образ пророка неизбежно воспринимается в соотнесенности с другими пророками русской лирики.

В центре стихотворения В. Брюсова момент обретения божественного слова: в устном («Великие слова в мечтах моих звучали...») и письменном (скрижали) вариантах. Представляется, что для героя устное слово важнее, чем письменное, потому что притяжательное местоимение «мои» возникает применительно к звучащим словам, а скрижали возникают в тексте с эпитетом «ненужные». Повторно производится письменное слово, но обиженный на весь род человеческий Моисей замолкает, в финале стихотворения он разговаривает с богом, но не с людьми, пророческое слово не звучит и не прозвучит, даже если найдутся желающие слушать.

Брюсов воспроизводит библейский сюжет уничтожения скрижалей и их восстановления, но полностью меняет образ Моисея: библейский персонаж заступался за свой народ, защищая его от божественного гнева, а брюсовский герой противопоставляет божественной любви свое человеческое презрение. Формальное подчинение (новые скрижали были изготовлены) не дает поставить вопрос о богоборчестве, но он в шаге от того. Возникает драматическая ситуация обесмысленной жизни.

Образ священного слова раскрывается здесь как с позиции самого Моисея, так и с позиции божественной воли. Великие слова оказались ненужными: негодование побуждает его разбить скрижали. Но вера в мудрость высшей воли побуждает восстановить скрижали. Так, событие обретения священного слова в этом произведении повторяется дважды. В первый раз – во имя веры, а во второй – во имя любви. Послушание высшей воле приводит к ее исполнению, но любовь просто к людям выше понимания самого героя. Отсутствие гнева и печали в душе, где когда-то звучали мечты, указывает на пустоту и то, что образ разбитых скрижалей соотносится и с самим Моисеем, его личной утратой смысла. Слова скрижалей остались в его понимании священными, но для самого героя окончательно утратился смысл их обретения.

Два стихотворения К. Бальмонта «К людям» и «В домах» связаны с лермонтовским «Пророком», однако при сопоставлении мы видим, что Бальмонт не продолжает традицию Лермонтова, а отделяется от нее.

Упоминание в тексте Бальмонта «В домах» о том, что все целно в просторах безлюдных пустынь – это прямая переключка с текстом Лермонтова. Цельность в природе здесь также противостоит разрозненности в городах. Но с другим акцентом: у Лермонтова герои имеют хотя бы какие-то личностные черты, даже если это черты злобы и порока, а у Бальмонта люди безлики, не способны ни к добру, ни к злу. В стихотворении Лермонтова всеведение пророку дает Всевышний, а в произведении Бальмонта герой *сам* обретает его, заглядывая в свое сердце и созерцая возвышенность гор. Пророк из произведения Бальмонта не уходит в пустыню, а предлагает людям учиться у природы.

Разоблачительный тон лирического героя в произведении Бальмонта «В домах» стремится к указанию на серость, ничем-

ность жизни людей, в которой даже порока нет. Оно содержит картину неприглядной жизни в каменном городе, в котором нет света (лучей солнца) и цвета (бледные люди и выцветшие слова). Такая серая действительность противопоставляется творческому чуду. Четко определенные противостоящие полюса указывают на романтическую установку, где чудо всегда противостоит повседневности, а индивидуализм героя – серой массе людей-гномов. Громады домов не соразмерны людям-гномам. Серость и усредненность их жизни состоит в том, что они равноудалены от крайностей бытия: они не сталкивались со смертью, как и не видели настоящей жизни. Их пугает все, что выходит за границы спокойствия. Любовь в цепях – это указание на страх и скуку в их жизни. Напротив, что жизнь глубока и прекрасна – это выясняется только в непосредственной близости к смерти.

Речь людей, к которым обращается поэт-пророк, представлена как лепет, как нечто нечленораздельное, лишённое артикуляции. Недослова характерны для недолудей – гномов, живущих в клеточках. Привидения людские – это отражает характер их жизни, которая, как и призрак, застрявший между мирами, находится между чем-то и чем-то. Привидение – это подобие человека. Привидение – это смерть при жизни. В Аду у Данте находятся те, кто так и не выбрал сторону, кто не сделал в жизни ничего хорошего и ничего плохого. Поэтому обвинение в произведении К. Бальмонта перекликается с фрагментом «Божественной комедии», когда мы встречаем те души, которые вели усредненное существование, не сделав за всю свою жизнь ни зла, ни блага. И вождь в ответ: «То горестный удел / Тех жалких душ, что прожили, не зная / Ни славы, ни позора смертных дел» [3, с. 19]. В произведении Бальмонта дано сложное соседство зла и блага, которое не мешает герою жить. В тексте Лермонтова благо (любовь и правда) жестко противостоит злу, которое читается в очах людей. Присутствует противопоставление жизни мира (шумный град) и жизни духа (пустыня).

Если в произведении Лермонтова обозначается безвыходное положение, невозможность найти общий язык между людьми и пророком, то в произведении «В домах» и «К людям» все-таки звучит обращенное к людям слово, в надежде быть услышанным. Поэтому в произведениях К. Бальмонта возникает сам текст про-

рочества, в обоих случаях можно выделить обличение аудитории и утверждение новых ценностей.

Образ пригвожденных к преданью людей предполагает слепое следование своду правил без понимания смысла. Формулировки заучиваются, повторяются из поколения в поколение, но смысл все более замутняется. Выцветшие слова сохранили свой расхожий смысл. Вероятно, имеется в виду Священное Писание, которому люди слепо следуют, не понимая его смысла. Выцветшие слова сохранили свой расхожий смысл, которого достаточно для ведения серой жизни, однако для постижения смысла жизни требуется новое пророческое слово и такое слово – звучит. Оно звучит с надеждой быть услышанным. Оно указывает на серость, но раскрывает (описывает) и другой, яркий мир: молния губит зверей и людей, лавина несется, губя – это миг ослепительный, смерть в экстремальных природных условиях. Пафос такого миропонимания можно достаточно точно передать, если вспомнить лозунг рок-культуры: *Live fast, die young*. Заподозренные чувством святости – это святости, оскорбленные подозрением, рационализацией, трусливой опасливостью. Всякая подозрительность недостойна святости, так как святость – вне подозрений. В этом и состоит смысл веры. Под святостью понимаются здесь те ценности, которые закованы в цепи. Образ цепей перекликается с образом казни. Казнь – это публичное убийство-наказание за какую-то вину. В чем вина? Вина состоит в убогом представлении о счастье, в отказе от полноты жизни, от творчества, от риска.

Казнь – это каждая упущенная возможность жить. Людям, изображенным в этом произведении, принципиально недоступно вдохновение и творчество, поскольку вся их жизнь находится в пределах рационального и практического. Как отмечает А.Л. Вольский: «Поэзия – божественная мудрость, высшее знание, но это знание имеет для современного человека странный вид. Оно загадочно, темно и логически противоречиво, ускользает от попыток использования в практической деятельности» [2, с. 36].

В произведении «К людям» интонация лирического героя уже не обличительная, а вдохновляющая, призывная. Здесь картина мира обозначается непосредственно прямо: опьянение выше всех знаний и слов. Опьянение не обязательно понимать буквально, достаточно отметить указание на то, что все идущее от рассуди-

тельности, умеренности, благополучия – противостоит чувству. Опыание – это вдохновение, творчество, в котором раскрывается, что жизнь – это нечто большее, чем книжная мудрость мудрецов.

В произведении Бальмонта «К людям» мудрость обретается не рассудочным путем, а в экстазе: «Вдохновение и знание не только нераздельны, но присутствие первого является непременным условием возникновения второго. Истинное знание дается богами, только вдохновленному богами пророку, который выступает как медиум передачи такого знания. Первейшим условием восприятия такого знания является отказ от собственного ума, выход из собственной субъективности – экстаз» [3, с. 36]. Образ опыания здесь задает границу мира: колебание состояний, игровое, пограничное состояние, которое приоткрывает для человека контакт с внебытовыми смыслами, соответствует переходу из прозаического, поглощенного земными заботами состояния мира к творческому. Образ мирового вина «упьюсь мировым вином» и воскресну – слитность с вселенским масштабом. Это становится моментом обновления, перекликается с образом обновляющего утра, воскрешения для подлинной жизни.

* * *

Образ пророка и его слова в произведении М.Ю. Лермонтова перекликаются с образами пророка в произведениях К. Бальмонта и В. Брюсова, но подвергаются трансформации. В лермонтовском «Пророке» последнее слово, передаваемое детям, остается за старцами и свидетельствует о том, что «чистые учения» не имеют шансов на реализацию, а сам мир, в котором смешиваются порок и чистота, злоба и любовь, – не идеален. Этот мир таков, как есть, и мечта пророка об идеальном состоянии мира вытесняется за пределы самой человеческой жизни (в пустыню). Это влечет за собой драматический конфликт: герой наделен даром, который не может реализоваться.

Герой-порок В. Брюсова ближе к лермонтовскому герою: как и в случае с пророком К. Бальмонта, он стремился донести людям слова Всевышнего и священные скрижали, но они оказались ненужными. В произведении Лермонтова людям не нужна горькая истина, которую открывает пророк, в произведении

В. Брюсова увеселения и земная суета (поклонение золотому тельцу) – выбор людей. Это приводит не только к невозможности реализации (как в произведении Лермонтова), но и полной утрате смысла жизни для самого пророка.

В произведениях К. Бальмонта и В. Брюсова сохраняется противопоставление лирического героя и всех прочих людей, но последнее слово остается за ним. Во всех трех случаях лирический герой – исключительная личность, обладатель дара и предназначения, противостоящая безликой толпе. Но следует обратить внимание на самостоятельное обретение всеведения в произведении К. Бальмонта, что подчеркивает установку на индивидуализм, тогда как в произведении М.Ю. Лермонтова всеведение дано свыше вне зависимости от воли избранного.

Мы видим, что миссия пророка в произведениях поэтов-символистов реализуется – они пророчествуют, а в произведении М.Ю. Лермонтова нет выхода, и пророк умолкает. В модернизме пророчество лирического героя не только звучит, но и указывает определенное направление. Попытка распутать «клубок жизни», т.е. разложить все по ниточкам (по полочкам), упорядочить – это чисто рациональная операция, тогда как любовь, игра, творчество – выше всех рациональных знаний, учений и слов.

Пророк в произведении К. Бальмонта рассказывает всем людям о том, что полюбить – это значит понять сердцем. Параллельно к обличительной интонации умеренной (опасливой, боязливой) и скучной жизни дается картина яркой, творческой, деятельной жизни. Перерождение и переосмысление связано с осознанием истинной любви к миру, а не с его отрицанием. Возвышенность гор – это конкретный образ, который репрезентирует истину и красоту мира. В произведениях символистов мир соткан из зла и добра: гром радостен / молния смертельна; прекрасна возвышенность гор / лавина несется губя.

Слиянием с природой в тексте К. Бальмонта объясняется цикличность духовной жизни героя: умру и воскресну. Здесь пророк не одиноко замыкается в природном мире, как пророк в произведении М.Ю. Лермонтова, а обличает серость сидящих в домах, раскрывает, что другой путь и обретение смысла – возможны.

Список литературы

1. Бердникова О.А. «Поэт серебряного века» как духовная проблема // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 39–43.
2. Вольский А.Л. Poeta vates vs. Poeta doctus: Платон и Аристотель // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 183. С. 35–47.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967. 627 с.
4. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
5. Книга Пророка Иезекииля. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/eze/3/> (дата обращения: 09.09.2021).
6. Королева С.Б. Пророческая тема в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206–225.
7. Медведев Н.П. Тема поэта-пророка у Лермонтова и Пушкина // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 127–133.
8. Нестерова Т.А. Образ поэта-пророка в творчестве А.С. Хомякова // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». Межвузовский сборник научно-методических статей. 2016. С. 64–68.
9. Степун Ф.А. Встречи. М.: АГРАФ, 1998. 251 с.
10. Титаренко С.Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьевские исследования. 2015. № 1(45). С. 102–115.

References

1. Berdnikova, O.A. “‘Poeht serebryanogo veka’ kak dukhovnaya problema” [“‘The Poet of the Silver Age’ as a Spiritual Problem”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, vol. 15, no. 3, 2009, pp. 39–43. (In Russ.)
2. Vol'skii, A.L. “Poeta vates vs. Poeta doctus: Platon i Aristotel” [“Poeta Vates vs. Poeta Doctus: Plato and Aristotle”]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 183, 2017, pp. 35–47. (In Russ.)

3. Dante, Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya* [*The Divine Comedy*]. Moskva, Nauka Publ., 1967, 627 p. (In Russ.)
4. Kiseleva, I.A. “‘Prorok’ (1826) A.S. Pushkina i ‘Prorok’ (1841) M.Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa” [“‘The Prophet’ (1826) by A.S. Pushkin and ‘The Prophet’ (1841) by M.Y. Lermontov: comparative semantics of the motivic complex”]. *Problemy istoricheskoi poehtiki*, vol. 18, no. 1, 2020, pp. 111–129. (In Russ.)
5. *Kniga Proroka Iezekiilya* [*The Book of the Prophet Ezekiel*]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/bible/eze/3/> (accessed: 09.09.2021).
6. Koroleva, S.B. “Proročeskaya tema v stikhotvorenii A.S. Pushkina ‘Prorok’: dialog s traditsiei i ehpokhoi” [“Prophetic Theme in A.S. Pushkin's Poem ‘The Prophet’: Dialogue with Tradition and Epoch”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 61, 2019, pp. 206–225. (In Russ.)
7. Medvedev, N.P. “Tema poehtha-proroka u Lermontova i Pushkina” [“The Theme of the Poet-Prophet by Lermontov and Pushkin”]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 4, 2014, pp. 127–133. (In Russ.)
8. Nesterova, T.A. “Obraz poehtha-proroka v tvorčestve A.S. Khomyakova” [“The Image of the Poet-Prophet in the Works of A.S. Khomyakov”]. *VIII Kirillo-Mefodievskie chteniya “Slavyanskoe slovo v kontekste vremeni”*. *Mezhvuzovskii sbornik nauchno-metodicheskikh statei*, 2016, pp. 64–68. (In Russ.)
9. Stepun, F.A. *Vstrechi* [*Meetings*]. Moskva, AGRAP Publ., 1998, 251 p. (In Russ.)
10. Titarenko, S.D. “Lermontov i russkii simvolizm: ‘dukh gotiki’ i transformatsiya romanticheskoi traditsii” [“Lermontov and Russian Symbolism: the ‘Spirit of Gothic’ and the Transformation of the Romantic Tradition”]. *Solov'evskie issledovaniya*, vol. 45, no. 1, 2015, pp. 102–115. (In Russ.)